

УДК 327.7, 341.231.14, 327.3

Анатолий БОЯШОВ

ГОСУДАРСТВО В СТРУКТУРЕ СЛОЖНЫХ СЕТЕЙ СОВЕТА ООН ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Статья поступила в редакцию 11.06.2021

Аннотация. Глобальное управление включено как приоритетное направление в программные документы государств и институтов Евросоюза. Несмотря на то что в рамках глобального управления в ООН ЕС продвигает идею децентрализации государства, в самом Евросоюзе государство имеет первостепенный характер. Автор разбирает структуру сложных сетей Совета ООН по правам человека (СПЧ). Научная проблема статьи заключается в противоречии между ключевой ролью государства в принятии решений в СПЧ и постепенным усложнением социальных сетей системы ООН. Структура Совета устроена таким образом, что обеспечивает активное участие в его повестке транснациональных корпораций, НПО, наднациональных институтов ЕС. Значит ли это, гипотетически, что роль государства в системе ООН и в международных делах снижается? В центре внимания статьи находятся связи, формирующиеся между государствами, НКО и международными организациями в СПЧ. Эти связи свидетельствуют о том, что государство включается в сложные сети и активно участвует в их поддержании.

Ключевые слова: сложная сеть, сетевой анализ, система ООН, права человека, международная организация.

Соотношение роли государства и иных участников международных отношений продолжает быть одним из центральных вопросов в общественных науках. Ослабевает ли роль государства на международной арене? Многие теоретические исследования дают утвердительный ответ на этот вопрос [Шевский, 2020]. Особую актуальность тема получила в исследованиях деятельности институтов ЕС, которые не только координируют и направляют международную деятельность государств, но и предоставляют доступ к принятию решений негосударственным участникам международных отношений: неправительственным организациям (НПО), бизнесу, профсоюзам, а иногда и отдельным лицам [Ahrne, Brunsson, 2019; Tallberg, Zürn, 2019; Zürn, 2018].

© **Бояшов Анатолий Сергеевич** – PhD (Universität Bielefeld), научный сотрудник, Государственный академический университет гуманитарных наук. **Адрес:** 119049, Россия, Москва, Мароновский переулок, 26. **E-mail:** aboiashov@gaugn.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-114-50002.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62021155166>

В исследованиях международных организаций тезис о «крушении государства» подтверждается тем, что количество негосударственных участников международных отношений растет, а взаимозависимость усиливает их влияние [Keohane, 2009; Weiss, 1998]. Исследования с позиций глобального управления и вовсе нередко оставляют государство за кадром, представляя деятельность межгосударственных объединений как автономных от государства организаций [Ларионова, Киртон, 2020].

Между тем социологические исследования мировой политики указывают на то, что государство не просто не исключается из социальных сетей НПО и иных организаций, а принимает активное участие в формировании и поддержании деятельности этих сетей [Albert, 2016; Pantzerhielm, Holzscheiter, Bahr, 2019; Seyle, Spivak, 2018]. С точки зрения петербургской научной школы, природа многосторонних структур двойственна: наряду с социальными группами, обеспечивающими функционирование секретариатов, межгосударственное взаимодействие также лежит в основе их деятельности, а потому не может быть выведено за рамки анализа [Кутейников, 2012].

Петербургская школа дала толчок изучению структуры международных организаций, в частности системы ООН, но все же не поставила точку в определении существенных элементов этой структуры. Недавняя монография Татьяны Караянис и Томаса Вайса отстаивает суждение о том, что природа ООН не двойственна, а тройственна: наряду с государствами и секретариатами организаций, ключевую роль в деятельности системы ООН играет внешняя по отношению к организации среда – консультанты, эксперты, НПО, интеллектуалы [Carayannis, Weiss, 2021]. Таким образом, тезис о снижении роли государства приобрел новые формы, но насколько не устарел и по-прежнему вызывает широкие академические дискуссии.

Цель этой статьи – определить место государства в сложных сетях Совета ООН по правам человека (СПЧ). Научная проблема состоит в противоречии между ключевой ролью государства в принятии решений в СПЧ и постепенным усложнением социальных сетей системы ООН. Совет ООН по правам человека – вспомогательный орган Генеральной Ассамблеи ООН: решения в нем принимают государства. Но структура самого Совета устроена таким образом, что обеспечивает участие в его повестке транснациональных корпораций, НПО и иных организаций. В случае Евросоюза это вообще целый комплекс институциональных объединений. Значит ли это, гипотетически, что роль государства в системе ООН снижается?

Актуальность такой постановки вопроса растет, так как влияние решений СПЧ распространяется далеко за пределы системы ООН. Нередко решения, направленные на достижение целей государств-членов Евросоюза, выносятся от имени негосударственных участников [Бояшов, 2019]. Например, резолюция Совета Безопасности ООН № 1973 о Ливии предварительно «обкатывалась» в СПЧ [Brockmeier, Stuenkel, Tourinho, 2016]. Именно в институциональных стенах этого Совета реализуются страновые приоритеты Евросоюза в области Общей внешней политики и политики безопасности [Pramendorfer, 2020]. Именно в СПЧ Евросоюз активно противодействует одним («праву на развитие») и продвигает другие («предотвращение нарушений прав человека») политические концепции [Бояшов, 2020; Гольтяев, 2017].

Сложные сети международных организаций

Что же отличает сложную сеть от иных форм взаимодействия? Посылка к изучению сложных сетей международных организаций разработана в неолиберальной парадигме теории международных отношений [Коньшев, Сергунин, 2013]. Ее основатели, наряду с межгосударственным взаимодействием, уделяют внимание повышению взаимозависимости в ходе европейской интеграции, а также между регуляторами Бреттон-Вудской системы и бизнес-корпорациями. Неинституционалисты признают, что транснациональные сети международных организаций служат средством достижения целей на международной арене [Keohane, Nye, 1977]. Иерархия внутри этих сетей, следовательно, не ставится под сомнение: государства учреждают международные организации и, соответственно, определяют развитие сложных сетей.

В 1990-е гг. парадигма глобального управления дополнила взаимозависимость суждением о росте участия негосударственных акторов в мировой политике [Pantzerhielm, Holzscheiter, Bahr, 2019]. В глобальном управлении государство якобы утрачивает исключительные политические функции, которые перераспределяются между другими игроками: международными организациями, транснациональными корпорациями и банками, НПО, общественными движениями [Лебедева, Кузнецов, 2021; Graz, 2019]. В результате вместо пирамидальной иерархической структуры властных отношений формируются различные центры власти, расположенные на нескольких уровнях, например, на супранациональном уровне институтов Евросоюза [Fumasoli, Stensaker, Vukasovic, 2018; Hooghe, Lenz, Marks, 2019]¹. Отдельные ученые вообще считают, что архитектура ЕС является образцовой моделью для глобального управления [Sabel, Zeitlin, 2008: 326].

Значимая работа по международным сетям опубликована в 1998 г. американскими учеными Маргарет Кек и Катрин Сиккинк². В центре анализа ученых находятся «...добровольные, взаимные и горизонтальные механизмы коммуникации и обмена» [Keck, Sikkink, 1998: 59]. Авторы вводят понятие «транснациональной пропагандистской сети» – «...конкретно тематической формы организации, включающей субъектов, разделяющих ценности, общий дискурс и плотный обмен информацией и услугами» [Keck, Sikkink, 1998: 2]. Горизонтальный характер коммуникации позволяет авторам включить в состав этих сетей широкое разнообразие участников международных отношений, но не государство. Субъекты таких сетей, по мнению авторов, представлены правозащитными организациями, местными социальными движениями, фондами, СМИ, церквями, торговыми союзами, интеллектуалами, а также «отдельными частями межгосударственных организаций, национальных органов исполнительной и законодательной власти» [Keck, Sikkink, 2018: 67–68]. Последнее может ввести читателя в замешательство, поскольку авторы противопоставляют части государства государству.

¹ Примечательно, что западные авторы никогда не называли супранациональные институты ЕС надгосударственными.

² Абсолютное лидерство в WoS: на 28 мая 2021 г. 378 цитирований в выборке статей из «WoS Core Collection».

Объяснение этому противоречию кроется в том, что субъекты в сетях связаны коммуникацией вокруг определенной тематики, что определяет включение отдельных акторов и исключение других. По мнению Кек и Сиккинк, такие разделительные линии могут проходить между государствами [Keck, Sikkink, 1998: 16]. Между тем разделительные линии могут проходить не только между государствами, но и в негосударственном секторе: например, правозащитные организации из развитых государств по повестке борьбы с бедностью не имеют доступа к ключевым международным площадкам, а потому исключаются из транснациональных сетей [Scholte, 2012].

Часто термин «сложная сеть» используется как метафора с целью показать сложность взаимодействия [Niezen, Sapignoli, 2017: 9–13]. Что же отличает сложную сеть от несложной? В социологии Зиммеля для базового сетевого взаимодействия достаточно трех субъектов – в отличие от диады, именно в триаде создается структура, т. е. «...социальные рамки, допускающие ограничение индивидуального участника коллективными целями» [Ставропольский, 2013: 233]. В международных организациях сложность взаимодействия характерна для тех организаций, где действуют три и более международно-правовых режима [van Asselt, Zelli, 2014]. Сложность же именно сетевого взаимодействия определяется тематическим разнообразием международной организации и неформальной иерархией между участниками процесса [Abbott, Faude, 2021].

В теории сложная сеть определяется как динамическая совокупность элементов, связей между ними, а также характеристик элементов и связей [Goryashko, Samokhine, Vocharov, 2019]. Сложную сеть международной организации отличает именно неформальная иерархия, так как формально участники сети обладают одинаковым статусом и участвуют в коммуникации [Alter, Raustiala, 2018; Hafner-Burton, Kahler, Montgomery, 2009]. Сложная сеть взаимозависима с окружающей средой; так, переговоры между Соединенным Королевством и Евросоюзом по брекзиту зависели от всего спектра взаимосвязей между странами-членами НАТО, с иными неправительственными участниками, оценкой будущего состояния взаимосвязей [Hollway, 2020]. Сложную сеть международных организаций следует тогда определить как совокупность государств-членов международной организации, взаимодействующих с ними государств и организаций, устойчиво взаимосвязанных определенной тематической повесткой и находящихся в определенной иерархии.

Структура сложных сетей Совета ООН по правам человека

Какова структура сложных сетей Совета ООН по правам человека? Несмотря на межгосударственный характер принятия решений, процедуры СПЧ обеспечивают устойчивую связь государств с иными заинтересованными сторонами. Эти связи остаются определяющими для структуры. Так, дипломат одного из государств может по ротации переходить в состав международных гражданских служащих или НПО, формально более не представляя государство, но все же представляя определенную сложную сеть и сохраняя иерархию внутри этой сети.

Сетевым связям СПЧ посвящено не столь много работ. Исследования же коалиций и переговоров, как правило, не учитывают сложный характер сетевого взаимодействия: вместо связей между уровнями, анализ замыкается на одном уровне, будь

то межгосударственный (между государствами), межорганизационный (между НПО), межинституциональный (между международными организациями) [Bichet, Rutz, 2019; Chané, Sharma, 2016; McGauhey, 2021].

Действительно, решения в Совете ООН по правам человека принимают государства, равно как членами Совета могут быть только государства. Тем не менее повестка определяется не просто государствами, а их *связями*, т. е. сетевой структурой. Эти связи определяют, например, назначение мандатариев Специальных процедур, высших руководителей Секретариата, экспертов мониторинговых миссий. Комментарии НПО и соответствующая реакция государств определяют членство в СПЧ. По мнению профессора МГИМО Марии Ходынской-Голенищевой, сложные сетевые связи Совета даже достигают региональных организаций военно-политической интеграции, что определяет в том числе результаты работы СПЧ [Ходынская-Голенищева, 2019].

Исследования структуры сложных сетей СПЧ представляют относительно новую тенденцию. Яркий пример таких исследований – монография руководителя Секретариата СПЧ Эрика Тистуне. В работе «Совет ООН по правам человека: практическая анатомия» Эрик Тистуне проводит параллель между живым организмом и международной организацией, а государства и иные организации называет иносказательно органами СПЧ, связывающими его нервную, дыхательную и пищеварительную системы [Tistounet, 2020].

Анализ формальных процедур Совета ООН по правам человека показывает, что структура сложных сетей СПЧ состоит из дипломатических (государства), институциональных (международные организации) и организационных (НПО и бизнес) сетей, связь между которыми устанавливается на определенной тематической основе¹.

Дипломатические сети представляют собой связи между государствами в структуре сложных сетей Совета. Эти сети существуют в трех основных формах. 1) Региональные дипломатические сети – межгосударственные коалиции, основанные на пяти региональных группах Устава ООН, используются, в основном, для координации коммуникации в ходе голосования и внутренних избирательных процессов. 2) Формальные дипломатические сети – государственные коалиции, основанные на формальных международных организациях, таких как Евразийский экономический союз, Европейский союз, Движение неприсоединения, «Группа 77». 3) Неформальные дипломатические сети – неформальные политические коалиции государств-единомышленников, например, Группа единомышленников, группа JUSCANZ, различные «группы друзей» и «контактные группы».

Иерархию в дипломатических сетях определяет членство в Совете: решения в Совете принимаются большинством голосов его членов, это приводит к централизации остальных участников вокруг членов Совета. СПЧ состоит из 47 членов, избираемых ежегодно Генеральной Ассамблеей ООН (мандат члена действует три года, ежегодно обновляется треть членов СПЧ). Сетевой анализ членства в СПЧ с 2006 по 2017 г. выявил иерархию между теми, кто является фактически постоянными

¹ Report to the General Assembly on the 5th session of the Council: Human Rights Council, 5th session, 11–18 June 2007, UN Doc. A/HRC/5/21.

членами Совета, и всеми остальными¹. Среди государств, входящих в первый квартиль по продолжительности членства: Китай, Куба, Индия, Индонезия, Республика Корея, Саудовская Аравия, Бразилия, Япония, Мексика, Россия, Пакистан, ЮАР, США, Великобритания, Германия, Франция, Нидерланды. Если среднее время работы в качестве члена Совета составляет 5,35 лет, то средний показатель для первого квартиля (29 государств) составляет 9,62 г., т.е. почти в два раза превышает общий средний показатель. 79 государств-членов ООН вообще никогда не работали в Совете, а большинство даже не выдвигали свои кандидатуры².

Институциональные сети СПЧ представляют собой связи между органами СПЧ и его институциональными механизмами. Эти сети существуют в двух формах. 1) В форме устойчивых институциональных сетей – устойчивых связей между постоянно действующими секретариатами органов СПЧ (Универсальный периодический обзор, Специальные процедуры, Консультативный совет, Процедура рассмотрения обращений, плюс управление договорными конвенционными органами и мониторинговыми миссиями). 2) В форме временных институциональных сетей – связей между структурами, создаваемыми под регулярные крупные мероприятия под эгидой СПЧ (типа Форума ООН по бизнесу и правам человека), регулярные встречи (межправительственные группы открытого состава) или мониторинговые миссии. Иерархия внутри институциональных сетей состоит в том, что участники централизуются вокруг Управления Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ), которое служит «мостом» или «брокером сетей» между государствами и соответствующими заинтересованными сторонами как в Женеве, так и в местах, где работают специалисты УВКПЧ по правам человека (всего около 1300 человек).

Организационные сети СПЧ включают в себя связи между НПО, бизнесом, международными организациями системы ООН. Большинство организаций, входящих в эти сети, являются многочисленными НПО с консультативным статусом ЭКОСОС (Экономический и социальный совет ООН): на этом основании ЭКОСОС предоставляет организации статус наблюдателя в СПЧ. В 2021 г. в эту категорию входят 5 593 организации, большая часть которых – 31% – зарегистрированы в странах западноевропейской группы³. Усложнение структуры этих сетей отражено в термине так называемой «НПОизации» системы ООН [Кутейников, Москальчук, 2017]. Современные НПО расширяют свои функции – не только продвигают определенные тематические вопросы и решения проблем, но и участвуют в мониторинге реализации прав человека или служат каналом передачи финансовых, информационных и человеческих ресурсов другим организациям.

¹ Сетевой анализ членства выполнен автором статьи в 2019. Подробнее, URL: <https://www.universal-rights.org/blog/the-nature-of-power-and-influence-at-the-human-rights-council-a-membership-network-analysis/> (дата обращения: 09.06.2021)

² Отдельные НПО получают гранты государств ЕС и Еврокомиссии на то, чтобы «ознакомить» представителей малых государств с деятельностью СПЧ. На практике такое «знакомство» происходит далеко не со всем тематическим спектром СПЧ. Финансирование идет через бюджет УВКПЧ, что затрудняет анализ сложной сети. Руководящее звено таких НПО, как правило, представлено «бывшими» дипломатами стран-членов ЕС.

³ Basic Facts about ECOSOC Status, UN. URL: <https://csonet.org/?menu=100> (дата обращения: 09.06.2021)

Организационные сети СПЧ подвержены процессу централизации вокруг привилегированной группы крупных международных НПО. Организации ядра являются наиболее активными на протяжении всей повестки Совета. Несмотря на ограничения формальными процедурами Совета (НПО не могут принимать решения в СПЧ), эти организации в совокупности обладают значительным информационным потенциалом и могут сделать больше, чем те 50 государств, которые не имеют дипломатического представительства в Женеве. Организации ядра сплочены и поддерживают друг друга во время дебатов или мероприятий (в большей степени страновых, нежели тематических). Ядро организационных сетей не только играет важную роль в формировании повестки дня, мониторинге и распределении финансов, но и служит одним из ключевых источников для воспроизводства кадров УВКПЧ (включая Секретариат СПЧ). Сотрудники НПО-ядра имеют опыт работы в горячих точках, представлены в известных исследовательских институтах и университетах, а также сотрудничают с государствами и всей системой ООН.

Дискуссии и выводы: каково место государства в сложных сетях СПЧ?

На каждом условном уровне сетей – дипломатическом, институциональном, организационном, – есть свое ядро и периферия, особенная иерархия. Однако этой иерархии не лишены и сложные сети, которые формируются между уровнями. Фактически каждый из институциональных механизмов СПЧ содействует развитию таких сложных связей, причем, усложнение связей не обязательно сопровождается ослаблением государств в этих сетях. Скорее, включение отдельных НПО сопровождается ослаблением одних государств и усилением других (имеется в виду интенсификация коммуникационных связей, в сетевом анализе – увеличение показателей центральности). Наиболее ярко этот процесс проявляется при рассмотрении страновых сюжетов в области прав человека в Совете (в отличие от тематических сюжетов). В этом случае связи отдельных НПО с отдельными государствами усиливаются, а на государство-объект рассмотрения страновой ситуации в области прав человека оказывается коммуникационное давление с целью исключения из сложной сети. Государству-объекту в этом случае нецелесообразно игнорировать эту повестку, тем самым исключаясь из сети, так как это в итоге приведет к усилению показателей центральности государств, организующих соответствующее рассмотрение страновой ситуации и привлекающих НПО к такому сюжету. Выходом может стать усиление показателей центральности, но не только и не столько собственно государства-объекта рассмотрения, сколько альтернативной сложной сети в целом, которая включила бы бизнес, НПО, международные региональные организации, научно-исследовательские институты.

С теоретической точки зрения, государство не исключается из сложных сетей СПЧ, а адаптируется и играет ключевую роль в их поддержке. Содействие сетям заключается не только в поддержке коммуникации между дипломатами, международными активистами и бизнесом, но и в связи этой коммуникации с институциональными сетями СПЧ. Последнее представляет собой особую сложность в практике стран не из западноевропейской группы. Между государствами принцип равного географического представительства формально обеспечен: из 47 членов СПЧ тринадцать мест достаются кандидатам от Группы африканских государств, тринатцать –

дцать – от Группы азиатско-тихоокеанских государств, восемь – от Группы государств Латинской Америки и Карибского бассейна, семь – от Группы западноевропейских государств, шесть – от Группы восточноевропейских государств¹. Но распределение позиций в секретариатах международных организаций, например, в УВКПЧ и в особенности на руководящие позиции, имеет сильный крен в пользу стран западноевропейской группы². С другой стороны, было бы недальновидным расценивать такое положение дел как ответственность лишь западных государств. Высокая доля граждан западных государств в секретариатах международных организаций и УВКПЧ обеспечена именно развитием сложных сетей: действуют программы поддержки специализированных НПО, регулируются связи НПО и бизнеса, запущены программы поддержки оплачиваемых стажировок для студентов вузов, налажено научно-исследовательское взаимодействие ученых и исследовательских объединений при международных организациях.

Данное исследование показывает, что государство занимает центральную позицию в структуре сложных сетей СПЧ. Вместе с тем, по мнению отдельных ученых, отказ от государствоцентризма представляет собой аналитическое достоинство в изучении международных организаций [Scholte, 2021]. Представление структурной иерархии как несущественного признака, иными словами – игнорирование стратификации акторов и участников мировой политики, – значительный недостаток отдельных исследований, в частности, с позиций глобального управления. Подобные подходы не способны объяснить, почему, будучи включенным в сложные сети правозащитных организаций, институтов Бреттон-Вудской системы и системы ООН, вместо реформирования экономики, политики и социальной сферы Китай активно продвигает отдельную версию глобального управления «с китайской спецификой» [Лексютина, 2020].

По мнению главного научного сотрудника ИМЭМО РАН М.В. Стрежневой, государствоцентризм и глобальное управление не обязательно противоречат друг другу, хотя критический настрой по отношению к государству со стороны поборников нелиберального гегемонистского проекта «должен иметь пределы» [Стрежнева, 2020]. Вовлечение негосударственных участников в международные отношения действительно повышает взаимозависимость, но не приводит к ослаблению государства. Напротив, сложные связи между НПО и бизнесом государство вполне в состоянии использовать для достижения стратегических приоритетов на международной арене [Barnett, Duvall, 2005; Farrell, Newman, 2019; Grewal, 2009]. В этом случае можно говорить о том, что с усложнением форм многостороннего сотрудничества государства активно включаются в сложные сети международных организаций, содействуя как учреждению международных организаций, так и поддержке развития сложных сетей.

¹ Хотя формально группа западноевропейских государств имеет лишь семь мест в рамках региональной группы, неформально группа значительно шире и включает государства других региональных групп.

² Подробнее: Annual report of the United Nations High Commissioner for Human Rights and reports of the Office of the High Commissioner and the Secretary-General, Composition of the staff of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, A/HRC/45/4, 17.09.2020.

В научной литературе встречаются исследования, в которых отдельные организации, как международные межправительственные, так и неправительственные правозащитные, признаются в качестве транснациональных сетей, взаимодействие которых носит горизонтальный характер ввиду неучастия государства в этих сетях [Сакмак, 2008; Root, 2009; Zaharna, 2007]. Абсолютное игнорирование наличия иерархии в этих сетях позволяет противопоставить эти сети, например, государству Перу, как в указанном исследовании американской ученой Ребекки Рут о продвижении прав человека и смены власти в Перу в 2000-е гг., или группе государств, как в случае исследования турецкого ученого Ченапа Чакмака о коалиции НПО за учреждение Международного уголовного суда. Такого рода исследования отличает отсутствие абстрагирования: сложная сеть противопоставляется не государству вообще, а конкретному государству, на территории которого эта сеть функционирует лишь в конкретный промежуток времени. Таким образом, формируется неполная картина, а отсутствие анализа связей неправительственного сектора с другими государствами и бизнесом не позволяет выявить внутреннюю иерархию сложной сети. Вклад таких исследований неоспорим: часто отдельные влиятельные неправительственные организации не получают должного освещения при анализе международных процессов. Но все же такого рода исследования не объясняют устойчивой связи и иерархии, образующейся между, например, странами-членами Европейского союза, НПО и Международным уголовным судом. Именно по этой причине некоторые исследования рассматривают государства как неотъемлемый элемент сложных сетей международных организаций [Goddard, 2018].

Таким образом, сети международных организаций усложняются. Вместе с усложнением форм многостороннего сотрудничества государство адаптируется к таким сложным формам взаимодействия в мировой политике; – развиваются сложные сетевые формы коммуникации. Примером такой адаптации могут быть финансовые программы в области развития, которые осуществляются в ходе сложного взаимодействия государств, региональных организаций экономической интеграции, фондов, НПО. Чтобы такие сетевые формы взаимодействия рассматривать в качестве сложной сети, необходимо наличие в них иерархии (другими словами – устойчивой структуры), высокой степени взаимозависимости, а также широкой тематической повестки. Эти существенные признаки проявляются в сложных сетях, включающих дипломатические, институциональные и организационные коммуникации, связывающих государства наряду с негосударственными участниками международных отношений. Соответственно международные межправительственные организации, такие как Совет ООН по правам человека, представляют собой совокупность сложных сетей, а изложенный подход может послужить солидным подспорьем в изучении внешней политики Евросоюза.

Список литературы

- Бояшов А. (2019) Потенциал Союзного государства в системе ООН, *Современная Европа*, 1(87). С. 138–147. doi: 10.15211/soveurope12019138147
- Бояшов А. (2020) Повестка ООН по предотвращению нарушений прав человека, *Журнал Белорусского государственного университета. Международные отношения* (2). С. 9–18.
- Гольяев А. (2017) Соотношение прав человека и развития: новые веяния в Совете ООН по правам человека, *Современное право* (11). С. 119–121.

- Коньшев В., Сергунин А. (2013) Теория международных отношений: Канун новых «великих дебатов»? *Полис. Политические исследования* (2). С. 66–78.
- Кутейников А. (2012) *Международные межправительственные организации. Теоретико-социологический анализ*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ.
- Кутейников А., Москальчук Е. (2017) Транснационализация неправительственных организаций, *Международные процессы*, 4(47). С. 30–48. doi: 10.17994/IT.2016.14.4.47.3
- Ларионова М., Киртон Д. (2020) Глобальное управление после кризиса COVID-19, *Вестник международных организаций*, 15(2). С. 7–23. doi: 10.17323/1996-7845-2020-02-01
- Лебедева М., Кузнецов Д. (2021) Глобальное управление в вопросах противодействия биогенным угрозам, *Вестник МГИМО-Университета*, 14(2). С. 7–21. doi: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-7-21
- Лексютин Я. (2020) Участие КНР в глобальном управлении: исторический фон и современный этап, *Проблемы Дальнего Востока*, (2). С. 6–20. doi: 10.31857/S013128120009750-6
- Ставропольский Ю. (2013) Структура группового процесса социальной интеракции, *Вестник Ставропольского государственного технического университета*, 3(1). С. 229–236.
- Стрежнева М. (2020) Системный подход в международных исследованиях: об актуальности теоретического наследия Александра Богданова, *Полис. Политические исследования*, (4). С. 112–123. doi: 10.17976/jpps/2020.04.08
- Ходынская-Голенищева М. (2019) *Сирия: трудный путь от войны к миру: многосторонняя дипломатия сирийского урегулирования*. Москва: Абрис, Олма.
- Шевский Д. (2020) Что такое крушение государства? *Международные процессы*, 18(3). С. 67–85. doi: 10.17994/IT.2020.18.3.62.7

References

- Bojashov, A. (2019) Potencial Sojuznogo gosudarstva v sisteme OON [Potential of the Union State of Belarus and Russia in the UN system], *Sovremennaya Evropa*, No 1(87), pp. 138–147. doi: 10.15211/soveurope12019138147 (in Russian).
- Bojashov, A. (2020) Povestka OON po predotvrashheniyu narushenij prav cheloveka [UN Agenda on Prevention of Human Rights Violations], *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya* (2), pp. 9–18. (in Russian).
- Gol'tjaev, A. (2017) Sootnoshenie prav cheloveka i razvitiya: novye vejanija v Sovete OON po pravam cheloveka [Relation between Human Rights and Development: Actual Agenda of the UN HRC], *Sovremennoe pravo* (11), pp. 119–121. (in Russian).
- Hodyskaja-Golenishheva, M. (2019) *Siriya: trudnyj put' ot vojny k miru: mnogostoronnjaja diplomatiya sirijskogo uregulirovaniya [Syria: Long Way from War to Peace: Multilateral Diplomacy in Syrian Regulation]*. Moskva: Abris, Olma. (in Russian).
- Konyshchev, V., Sergunin, A. (2013) Teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij: Kanun novyh «velikih debatov»? [Theory of International Relations: Time for a New “Great Debate”?] *Polis. Politicheskie issledovaniya* (2), pp. 66–78. (in Russian).
- Kutejnikov, A. (2012) *Mezhdunarodnye mezhpriavitel'stvennyye organizacii. Teoretiko-sociologicheskij analiz [International Intergovernmental Organizations. Theoretical and Sociological Analysis]*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU. (in Russian).
- Kutejnikov, A., Moskal'chuk, E. (2017) Transnacionalizaciya nepravitel'stvennyh organizacij [Transnationalization of NGOs], *Mezhdunarodnye processy*, 4(47), pp. 30–48. doi: 10.17994/IT.2016.14.4.47.3 (in Russian).
- Larionova, M., Kirton, D. (2020) Global'noe upravlenie posle krizisa COVID-19 [Global Governance after COVID-19 Crisis], *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*, 15(2), pp. 7–23. doi: 10.17323/1996-7845-2020-02-01 (in Russian).
- Lebedeva, M., Kuznecov, D. (2021) Global'noe upravlenie v voprosah protivodejstviya biogennym ugrozam [Global Governance of Biogenic Threats], *Vestnik MGI MO-Universiteta*, 14(2), pp. 7–21. doi: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-7-21 (in Russian).
- Leksjutina, Ja. (2020) Uchastie KNR v global'nom upravlenii: istoricheskij fon i sovremennij jetap [China's Involvement in Global Governance: Major Stages and Current Stage], *Problemy Dal'nego Vostoka*, (2), pp. 6–20. doi: 10.31857/S013128120009750-6 (in Russian).

- Stavropol'skij, Ju. (2013) Struktura gruppovogo processa social'noj interakcii [Structure of Group Process of Social Interaction], *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*, 3(1), pp. 229–236. (in Russian).
- Strezhneva, M. (2020) Sistemnyj podhod v mezhdunarodnyh issledovaniyah: ob aktual'nosti teoreticheskogo nasledija Aleksandra Bogdanova [System's Approach in International Studies: On the Topicality of the Theory by Alexander Bogdanov], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (4), pp. 112–123. doi: 10.17976/jpps/2020.04.08 (in Russian).
- Shevskij, D. (2020) Chto takoe krushenie gosudarstva? [What Means Failed State?] *Mezhdunarodnyye processy*, 18(3), pp. 67–85. doi: 10.17994/IT.2020.18.3.62.7 (in Russian).
- Abbott, K., Faude, B. (2021) Hybrid Institutional Complexes in Global Governance, *The Review of International Organizations*. doi: 10.1007/s11558-021-09431-3
- Ahrne, G. and Brunsson, N. (eds.) (2019) *Organization Outside Organizations: The Abundance of Partial Organization in Social Life*. New York: Cambridge University Press.
- Albert, M. (2016) *A Theory of World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Alter, K., Raustiala, K. (2018) The Rise of International Regime Complexity, *Annual Review of Law and Social Science*, 14(1), pp. 329–349. doi: 10.1146/annurev-lawsocsci-101317-030830
- Barnett, M., Duvall, R. (2005) Power in International Politics, *International Organization*, 59(01). doi: 10.1017/S0020818305050010
- Bichet, E. and Rutz, S. (2019) *The UN Human Rights Council's Relationship with other Entities*. München: GRIN Verlag.
- Brockmeier, S., Stuenkel, O., Tourinho, M. (2016) The Impact of the Libya Intervention Debates on Norms of Protection, *Global Society*, 30(1), pp. 113–133. doi: 10.1080/13600826.2015.1094029
- Cakmak, C. (2008) Transnational Activism in World Politics and Effectiveness of a Loosely Organised Principled Global Network: The Case of the NGO Coalition for an International Criminal Court, *The International Journal of Human Rights*, 12(3), pp. 373–393. doi: 10.1080/13642980802069641
- Carayannis, T. and Weiss, T. (2021) *The 'Third UN'. How a Knowledge Ecology Helps the UN Think*. New York: Oxford University Press.
- Chané, A., Sharma, A. (2016) Universal Human Rights? Exploring Contestation and Consensus in the UN Human Rights Council, *Human Rights & International Legal Discourse*, 10(2), pp. 219–247.
- Farrell, H., Newman, A.L. (2019) Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion, *International Security*, 44(1), pp. 42–79. doi: 10.1162/isec_a_00351
- Fumasoli, T., Stensaker, B., Vukasovic, M. (2018) Tackling the Multi-actor and Multi-level Complexity of European Governance of Knowledge: Transnational Actors in Focus, *European Educational Research Journal*, 17(3), pp. 325–334. doi: 10.1177/1474904117742763
- Goddard, S.E. (2018) Embedded Revisionism: Networks, Institutions, and Challenges to World Order, *International Organization*, 72(4), pp. 763–797. doi: 10.1017/S0020818318000206
- Goryashko, A., Samokhine, L., Bocharov, P. (2019) About Complexity of Complex Networks, *Applied Network Science*, 4(1). doi: 10.1007/s41109-019-0217-1
- Graz, J.-C. (2019) *The Power of Standards: Hybrid Authority and the Globalisation of Services*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grewal, D.S. (2009) *Network Power: The Social Dynamics of Globalization*. New Haven: Yale University Press.
- Hafner-Burton, E.M., Kahler, M., Montgomery, A.H. (2009) Network Analysis for International Relations, *International Organization*, 63(3), pp. 559–592. doi: 10.1017/S0020818309090195
- Hollway, J. (2020) What Makes a “Regime Complex” Complex? It Depends, *Complexity, Governance & Networks*, 6(1), pp. 68–81.
- Hooghe, L., Lenz, T. and Marks, G. (2019) *A Theory of International Organization: A Postfunctionalist Theory of Governance*. Oxford: Oxford University Press.
- Keck, M. and Sikkink, K. (1998) *Activists beyond borders: Advocacy networks in international politics*. New York: Cornell University Press.
- Keck, M., Sikkink, K. (2018) Transnational Advocacy Networks in International and Regional Politics, *International Social Science Journal*, 68(227-228), pp. 65–76. doi: 10.1111/issj.12187
- Keohane, R.O. (2009) The Old IPE and the New, *Review of International Political Economy*, 16(1), pp. 34–46. doi: 10.1080/09692290802524059

- Keohane, R.O. and Nye, J.S. (1977) *Power and Interdependence. World Politics in Transition*. Boston, Mass: Little, Brown and Company.
- McGauhey, F. (2021) *Non-governmental Organisations and the United Nations Human Rights System*. New York: Routledge.
- Niezen, R., Sapignoli, M. (2017) Introduction, in Niezen, R. and Sapignoli, M. (eds.) *Palaces of Hope*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–30.
- Pantzerhielm, L., Holzscheiter, A., Bahr, T. (2019) Governing effectively in a complex world? How megagovernance norms and changing repertoires of knowledge shape international organization discourses on institutional order in global health, *Cambridge Review of International Affairs*, pp. 1–26. doi: 10.1080/09557571.2019.1678112
- Pramendorfer, E. (2020) The Role of the Human Rights Council in Implementing the Responsibility to Protect, *Global Responsibility to Protect*, 12(3), pp. 239–245. doi: 10.1163/1875-984X-20200004
- Root, R.K. (2009) Through the Window of Opportunity: The Transitional Justice Network in Peru, *Human Rights Quarterly*, 31(2), pp. 452–473.
- Sabel, C., Zeitlin, J. (2008) Learning from Difference: the New Architecture of Experimentalist Governance in the EU. *European Law Journal*, 14(3), pp. 271–327. doi: 10.1111/j.1468-0386.2008.00415.x
- Scholte, J.A. (2021) Beyond Institutionalism: Toward a Transformed Global Governance Theory, *International Theory*, 13(1), pp. 179–191. doi: 10.1017/S1752971920000421
- Seyle, C., Spivak, R. (2018) Complexity Theory and Global Governance: Is More Different?, *Global Governance*, 24(4), pp. 491–495. doi: 10.1163/19426720-02404002
- Tallberg, J., Zürn, M. (2019) The Legitimacy and Legitimation of International Organizations: Introduction and Framework, *The Review of International Organizations*, 14(4), pp. 581–606. doi: 10.1007/s11558-018-9330-7
- Tistounet, E. (2020) *The UN Human Rights Council: A Practical Anatomy*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- van Asselt, H., Zelli, F. (2014) Connect the dots: Managing the Fragmentation of Global Climate Governance, *Environmental Economics and Policy Studies*, 16(2), pp. 137–155. doi: 10.1007/s10018-013-0060-z
- Weiss, L. (1998) *The myth of the powerless state: Governing the economy in a global era*. Cambridge: Polity Press.
- Zaharna, R. (2007) The Soft Power Differential: Network Communication and Mass Communication in Public Diplomacy, *The Hague Journal of Diplomacy*, 2(3), pp. 213–228. doi: 10.1163/187119007X240505
- Zürn, M. (2018) *A Theory of Global Governance. Authority, Legitimacy, and Contestation*. Oxford: Oxford University Press.

The State in the Complex Networks of the UN Human Rights Council

Received 11.06.2021

Author: Boyashov A., PhD, Universität Bielefeld, Researcher, State Academic University for the Humanities. **Address:** 119049, Russia, Moscow, Maronovsky pereulok, 26. **E-mail:** aboiashov@gaugn.ru

The reported study was funded by RFBR, project number 20-114-50002.

Abstract. Having developed into a political and ideological concept since the 1990s, global governance has evolved as a priority of the European Union. Although the EU promotes the idea of state decentralization within global governance at the UN, in the EU itself the state is paramount. This article examines the structure of the complex networks of the UN Human Rights Council. The scholarly problem of the article is the contradiction between the key decision-making role of the state in the HRC and increasingly complex social networks of the UN system. The Council is structured in a way that ensures the active participation of transnational corporations, NGOs, and EU supranational institutions in its agenda. Does this hypothetically mean that the role of the state in the UN system and in international affairs is declining? The focus of this article is on the ties between states, NGOs, and international organizations in the UN Human Rights Council. These ties suggest that the state is included in complex networks and enhances their sustainment.

Keywords: complex network, network analysis, UN system, human rights, international organization.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62021155166>